

А. С. КОЛЕСНИКОВ

История современной зарубежной философии: Компаративистский подход

<Фрагмент>

Витгенштейн, следуя за успехами в формализации Фреге и Рассела, пытался выработать единую теорию символизма, основанную на предельном различении семантических свойств знаков и адекватном соотношении компонентов языкового мышления с элементами реальности. Опирается он на расселовские идеи различных типов отношения знаков к вещам и их разнородных функций в системе целостных высказываний, и на теорию описания, общую теорию логических типов. Имена он понимает как Рассел, но отказывает им, как и его учитель, в смысле, признавая за ними прямую однозначную денотацию объекта, имена как бы прикалывают язык к миру, и противопоставляются иным языковым знакам, имеющим иную семантическую природу свойств, отношений, логических констант.

Принцип различения семантических свойств имени и описания Рассела Витгенштейн применяет к сопоставлению имени и предложения (высказывания), хотя и отказывается от расширенной характеристики имени, включающей предложение, предложенное Фреге, и рассматривает его как описание факта. Описание фактов в предложениях — вот основная функция языка. Предложение, не класс имен, не перечень слов, а соответствие объектов терминам предложения, по Расселу. Он интерпретирует предложения через субъективно-психологические характеристики, через веру и переживаемый смысл. Функции языка, по Расселу, выражения и коммуникации. Языковой оборот выражает определенное состояние носителя.

Витгенштейн, как и Рассел, подчеркивает, что смысл предложения дается определенным сочетанием терминов предложений по определенному правилу, которое находится во внутренней связи слов в предложении, в структуре, в логико-синтаксической

форме предложения. В дальнейшем Рассел считает предложения комбинациями имен. Толкование предложения как имени создает трудности, подобные смешению семантических свойств имен и описаний. Витгенштейн подчеркивает в «Трактате», что предложение — описание факта. Г. Вригт писал, что «Трактат» можно рассматривать как синтез теории значений истинности и идей о языке как образе реальности, из которого рождается третья, основная идея книги — теория о том, что не может быть сказано, а может быть показано, известно, что в дальнейшем он отказался от теории языка образа реальности, от утверждения, что все значимые пропозиции состоят из простых, и от теории о невыразимом¹. Трактат, по словам Э. Куинтона, должен ответить на вопрос в духе Канта: «Как возможен язык?», в каких условиях может существовать полностью значимый язык. Считали, что он пытался разграничить линию между наукой и не-наукой, как границей между фактическим и не-фактическим языком. Есть утверждения, что цель книги этическая. «Анализ логических проблем полон для Витгенштейна экзистенциальной напряженности: в отчетливости мыслей, смысловой прозрачности языка он как бы жаждал найти нечто большее — открыть искомую нравственную чистоту»².

С другой стороны, в настоящее время ясно, что Витгенштейн, как Гофмансталь, Рильке, Маутнер, Краус остро реагировали на состояние немецкого языка, близкое к коллапсу, на изменения в музыке, архитектуре, морали. П. Энгельман говорил, что в первую очередь в работе Витгенштейна надо видеть этическое значение, ибо он указывает на сущность добра своей собственной жизнью, ибо жизнь для него — это «задание» с неизменным условием. Есть глубокое сравнение эпохи Кафки и Витгенштейна, связанное с ощущением потери реальности, что повлекло за собой тотальную потерю всякой выраженной посредством языка ценности. Кафка и Витгенштейн обостренно реагировали на потерю, нравственную и логическую деградацию языка, выражая свою реакцию «в аскетическом самоурезании языка и о полном молчании». Кризис моральных ценностей должен привести к онемению оценивающего языка, ценности выражающего, на что указали Витгенштейну и Кафке Гофмансталь и Толстой.

¹ *Бартли Ш., Уильям У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993. С. 170, 177; Витгенштейн Л. Трактат / Людвиг Витгенштейн. Философские работы. Ч. I. М., 1994. 6.53.*

² *Козлова М. С. Философские искания Л. Витгенштейна // Витгенштейн Людвиг. Философские работы. Ч. I. С. VIII.*

Есть сравнение Витгенштейна с Музилем: у мира и у нас в этом мире есть такие особенности, аспекты, которые не поддаются рационалистическим описаниям. Область мистического познается опосредовано, оно просвечивается сквозь рациональные лингвистические структуры. Естественно предположить, что проблема Витгенштейна — это особенность эпохи, в которой процесс разложения традиционных человеческих социокультурных общностей прогрессировал так, что иллюзии либеральной антропологии развеялись. Распалась и система фундаментальных представлений о том, что становление человека личностью, индивидом, освобождение его от своих пут, что сущность, происхождение и последнее убежище этой свободы кроются во внутренней автономии, в духовном мире индивида. Понятийные разборы Витгенштейна суть философское выражение этого процесса. Они определяют и предпосылки, на фоне которых происходила реорганизация его представлений. Классические индивидуцентричные понятия сменялись такими, как следование правилу, приучение, обычай, конформизм. И Витгенштейн считает, что направление духовной реорганизации общества не в безграничном освобождении человека от традиций, а исключительно в природе связей, ограничения, традиций.

Можно сказать, что свою критику языка Витгенштейн облек в форму логических построений, как у Фреге, и логического атомизма, как у Рассела. Вот почему его восприятие было неоднозначным. Англичане восприняли его как блестящего критика умозрительной философии, на родине посчитали, что он воспринял чуждый им английский эмпиризм, а члены Венского кружка проинтерпретировали его в позитивистском духе.

Поэтому можно представить несколько линий исследования философии Витгенштейна. Наиболее видимое состоит в том, что логическое изучение языка в работах Фреге, Рассела и Витгенштейна раскрыло, что определенные сочетания слов в предложении, правильных как бы лексически и синтаксически, тем не менее лишены смысла по логическим причинам из-за нарушения логических правил построения осмысленных предложений. Следовательно, необходимо заменить интуитивно-психологические критерии осмысленности строго логическими. Фреге, Рассел и Витгенштейн и говорят о том, что осмысленность языка требует уточнения логических правил его употребления. Анализ парадоксов показал недостаточность обычной грамматики правил, обычного синтаксиса для устранения бессмысленности. Семантика и синтаксис естественного языка анализируются. Рассел говорит о многозначности, нечеткой логической структуре фраз

естественного языка, который скрывает его реальную логическую форму выражений. Взамен предлагается выработать искусственный язык математической логики, без психологических оттенков смысла. Возникает на горизонте заново возможность построения «идеального» языка, который будет содержать только простые знаки, значения которых нам непосредственно знакомы (реальные «вещи», свойства, отношения, логические формы).

Витгенштейн подхватывает эту идею, принимает расселовскую номиналистическую теорию символизма и стремится ее реализовать без явных противоречий, исходящих из теории суждений Рассела. Витгенштейн считает, что существуют отношения между вещами, вот почему нет такой «вещи», которая могла бы быть формой суждения и имени. Он считает, что логика априорна и автономна. Логическую форму реальности мы узнаем из языка. Так и выясняется идея о связи между языком и миром, основанная на координации имен и вещей. На основе этого она разрабатывает связь элементарного предложения с миром (образная теория предложения). Логическая форма знака и обозначаемого тождественны. Во избежание иллюзии субстанциальности он считает возможным убрать из идеального языка соответствующие им особые символы. Формализация логики сводится к теории языкового символизма, а в дальнейшем к деятельности манипулирования символами по определенным синтаксическим правилам. Можно предположить, что Витгенштейн хотел уточнить логические правила работы языка посредством принципов конструирования самого языка с наглядной фиксацией разных логических типов знаков и различного характера символов. Различные типы отношения знаков к вещам должны воплотиться в самом принципе построения языка. С идеалом логически совершенного языка связан и тезис о логике как «показанном», наглядно воплощенном в символике языка, в своей деятельности. Логика сводится к языку, который говорит о фактах. Язык через логическую форму предложения показывает принципы своей работы в структуре самих знаков.

Ядро аналитической философии Витгенштейна конструируется на стыке проблем анализа, логики, семантики. Строится схема идеального языка, элементами которого являются имена (простые символы, однозначно соответствующие определенным объектам); комбинации логических имен образуют простейшие атомарные предложения, независимые и неразложимые, из которых с помощью пропозициональных связей строятся молекулярные предложения, как функции истинности атомарных. Грамматикой такого языка становится логическая грамматика.

Структура логического языка становится идеальным скелетом всего знания.

Здесь явно видна роль Рассела и общие формы построения логической системы «Оснований математики», когда логический анализ структуры языка дает нам познание структуры мира. Витгенштейн считал крупнейшим теоретическим достижением Рассела, что он открыл тот факт, что фактическая логическая структура языковых предложений отнюдь не необходимым образом тождественна структурам, подсказываемым грамматической формой. В теории дескрипций, где это использовано, утверждается, что предложения определенного типа могут расчленяться на более обобщенные и предположительно более простые предложения. Витгенштейну эта теория послужила исходным моментом для постановки вопроса о том, что расчленимо ли на более простые предложения всякое сложное предложение и не расчленимы ли эти простые предложения на еще более простые? Где этот предел расчленения? Эти вопросы, по-видимому, и приводят к понятиям элементарного предложения и простого объекта. Однако, всякое сложное предложение, говорящее о сложных предметах, должно быть подвергнуто разложению. Требование простых вещей есть не что иное, как требование определенности смысла. Но к этому приводят Витгенштейна и определенные логико-семантические соображения. Тем не менее основная доминанта его построений — платоновская интенция предустановленности мира. Если мир таков, каков он есть, не зависит от человека, его деятельности и познавательных способностей, то должна существовать спроецированная в самое себя простота, какой бы неуловимой она ни была. Существуют простые объекты, могут существовать и неразложимые имена, которые обозначают объекты. Элементарные, или атомарные, предложения содержат лишь имена. Структура элементарного предложения в точности соответствует структуре элементарного факта. Предложение копирует факт и выводится логическая доказуемость мысли, что истинно важные вопросы человеческого существования должны остаться невыразимыми. Субъект обезличивается в безличном языке и так становится «зеркальным образом мира» язык с его логикой. Если язык — образ мира, то он не может говорить о том, чего в мире нет. Это невыразимое — мистическое. О нем надо молчать. Таким образом, представленная строгой логикой «Трактата» философия платонизма ведет к немоте. Правда, есть высказывания, что требования молчания определено жизнеощущением, эмоциональным материалом, чувством разрыва между мнимой и требуемой чистотой, прозрачностью, устойчивостью созданного нами представления

о мире, безбрежной многозначностью человеческого бытия в мире, нравственным обоснованием его.

Как видно, полю ощущений соответствует мир, как факт, образу соответствует мир как вещь. Атомарный факт, осуществляется благодаря связи между объектами, причем любой из них является простым, образующим нередуцируемую единицу (субстанцию), что говорит о смешении Витгенштейном логической и онтологической сторон. Логика мира первична по отношению к любой истинности или ложности. Взгляд платонический. Существование атомарных фактов образует для Витгенштейна в «Трактате» основу для формулирования истинных предложений. Предложение — логическое отображение своего значения — это восходит к Миллю и Фреге, их теории значения: названия, лишённые значения, ведут к лишённым смысла предложениям.

Глубинная и поверхностная структуры «Трактата» соответствуют друг другу. Логика Рассела и Фреге взята Витгенштейном за исходную точку по причинам мировоззренческого характера, в соответствии с предпосылками, постулированными Расселом и Фреге относительно сущности мира, так что логические вклады этим мыслителей определяются в узловых моментах также мировоззренческими соображениями. Идея мира, обладающего постоянной формой, составляет одну из основополагающих мыслей «Трактата». Но воображаемый мир должен иметь общее с действительным. Эта постоянная форма состоит из объектов и образует субстанцию мира, независимую от того, что имеет место. Она есть форма и содержание. Еще раз получаем платонизм. Субстанция — это то, что есть предмет логики. От субстанции мира «Трактат» переходит к сути языка. Платонизм Витгенштейна — это убежденность в априорной заданности мира, в его абсолютной объективности. Абсолютность мира означает, что человек соотносим с чем-то, что человеком не создано, что существует независимые, трансцендентные критерии, на основании которых, как бы с позиции вечной реальности, жизнь невыразима в суждении.

Выдвигая теорию логического анализа как метода перевода знания на более точный язык, Рассел говорил о логической концепции и связан был с языковыми и мировоззренческими проблемами. Но метод анализа был истолкован философски, и так появилось течение, названное аналитической философией. Витгенштейн создает философскую доктрину на основе логико-философского учения Рассела о 1912–1918 гг. Рассел излагает концепцию логического атомизма, начиная со вторых Лоувелловских лекций в Гарварде (1924), продолжая в работах

«Логический атомизм (1910), «Философия Логического атомизма» (1924). Философия логического атомизма проста: логика атомистична, атомистична и метафизика, следовательно, логика основополагающа для метафизики, для философии, которую он понимает в духе английского эмпиризма-реализма. Вначале оперируя с понятием всеобщего, он мировоззренческие установки связывает с платоновским реализмом, в приписывании некоего объективного существования абстрактным сущностям. Затем перестраивает символическую логику о духе номинализма. Теория типов, аксиома сводимости, неполные символы — все это были попытки устранить абстракции, которые составляют основу «Метафизики» платоновского типа. Однако в общем он разрабатывает плюралистическую онтологическую доктрину, совмещающую номинализм и реализм. Философский номинализм Рассела не предусматривает выход за сферу переживаний субъекта к объективному миру. Путаница в отнесении объективного и субъективного уровней существования, подстановка на место объективного чувственно-данного. Рассел соединил номинализм со склонностью отождествлять чувственный образ единичного предмета с самим предметом, теория описания смыкается с номиналистическими взглядами. В конце концов он заявляет, что каждая подлинно философская проблема — это проблема анализа.

Витгенштейн воспринял эту идею Рассела и в «Трактате» пишет, что философия есть логическое прояснение познавательного содержания научного знания посредством уточнения его языковой формы. Его философия должна найти скрытые механизмы дискурсивного мышления, вычленить природу его различных компонентов, четко характеризовать способы их отношения к реальности, и внести ясности в запутанные гносеологические проблемы. Витгенштейн вслушивается, всматривается в работу языка, в котором коренятся и проблемы философии. Цель этой книги — не только создание аналитической философии, решение семантических, логических, онтологических задач, а попытка создать речевую культуру, которая позволяла бы человеку ясно видеть логику языка, функции понятий. Логический атомизм, которого придерживался Витгенштейн, это логическое просвещение языка, связей его с миром и знанием, а также осмысление того, что лежит «по ту сторону» невысказанного, а что «показано». Это и попытка выявить логическую «грамматику» языка, одновременно раскрывая логический «каркас» мира. Подобная идеализация картины мира и его «логического» образа была позднее отвергнута и ее сменил реалистический подход, пред-

полагавший возможность все новых и новых концептуальных прояснений, выявление категорий, организующих все человеческое разумение.

Термин «логический атомизм», введенный Расселом, отражал номинализм, видоизмененный логико-лингвистическим анализом. Доктрина, сформированная Расселом и Витгенштейном и означала абсолютный плюрализм, противопоставленный монизму неогегельянства. Ядром концепции выступает теория логически совершенного языка, как универсальной модели знания, ориентированная на язык «Оснований математики», в соответствии со структурой которого и было расчленено знание на элементарные составные части. В качестве основной единицы знания фигурируют атомарные предложения. Логические атомы, «простые символы», соответствующие объектам определенного типа», являются основой всех сложных суждений³. Ошибка была в том, что структура конкретного логического исчисления «Оснований математики» была взята как универсальная структура всякого знания

Онтология логического атомизма была построена в соответствии с *Principia Mathematica*: атомарным высказываниям соответствуют атомарные факты, составляющим атомарных высказываний — простым именам — соответствуют элементарные факты — объекты. Логико-атомистическую онтологию Витгенштейн дает в начале Трактата. Мир, как совокупность фактов, состоит из фактов, как соединение простых объектов, которые независимы друг от друга и не подчиняются внутренней связи элементов действительности. Концепция идеального языка противоречила природе реального языка, не учитывала обобщающую природу слова, невозможность сведения элементов языка к простым наименованиям единичных предметов, их полифункциональность по отношению к обозначаемым предметам. Атомарные предложения, как гносеологически базисные предложения, абсолютизировали принципы формально-логического анализа. Соответствие языка и реальности в логическом атомизме Витгенштейн конкретизирует в семантической теории предложения как логического образа факта, развивая ряд положений Фреге и Рассела. Смысл исходных элементарных предложений определяется внелогическим способом — прямым соотношением с соответствующими возможными ситуациями. Предложение — «образ», модель действительности и мы знаем положение вещей, если понимаем определенное предложение. Здесь проявляется попытка выявления семантической связи предложений с реальной

³ *Russell B. Logic and Knowledge. London, 1950. P. 326.*

ситуацией. Мысль, как логический образ некоего положения дел, говорит о том, что между ее элементами и реальной ситуацией есть соответствие. Мысль воплощается в чувственно воспринимаемой языковой форме — предложении. Анализ языка дает нам возможность выявления соответствий между элементами мысли, узнать, как язык воспроизводит логическое отображение. Однако возможны различные методы обозначения, что создает некоторые трудности. Так Витгенштейн рассматривает в логико-семантическом отношении связь языка, мышления и реальности. Отображение понимается вслед за Расселом и Фреге как пропозициональная функция. Предложение, раскрывая положение вещи, с нею существенно связано как образ, но оно является и знаком особого рода, выражающий целостную мысль.

Предложение как образ факта, отражает весь процесс действительности в языковых знаках, и состоит из пропозиционального знака, логико-синтаксической интерпретации, семантической интерпретации. Пропозиция — это образ, который не может очерчивать свою образную форму, предопределенную логикой, ибо логические константы не дескриптивны. Однако образная пропозиция может развернуть, показать свою логическую структуру (и структуру мира, которую она отражает). К середине 1930-х гг. основные положения теории символизма были опровергнуты работами К. Геделя и А. Черча. В логике различают то, что может быть сказано, и то, что может быть показано. Однако, значение, как и логика, присутствуют в мире и может быть передано или показано с помощью значимых пропозиций, которые могут быть сформулированы. Произошло крушение и трихотомии Фреге (предикация, тождество, существование). Фреге и Рассел, Куайн и Дэвидсон, Хомский и Лаков — все они ошибались, пишет Я. Хинтикка. Слово, которое Фреге и его последователи считали многозначным, в теоретико-игровой семантике оказалось имеющим единый смысл.

Пройдя путь математической формализации, семантическая проблема устранила свои первоначальные связи с философией сознания и даже с общим учением о языке: связь обозначения включилась в строгие отношения, связывающие структуры со структурами. В этом и заключается урок эволюции от Фреге к Гильберту, от Карнапа к Тарскому. «Техника формализации начинает согласовываться во многих отношениях с требованиями номиналистической доктрины»⁴. Таким образом, область логи-

⁴ Мулуд Н. Анализ и смысл. Очерк семантических предпосылок логики и эпистемологии. М., 1979. С. 115.

ки и философии, сфера неэмпирического употребления языка не укладывается в узкие границы номиналистски-эмпиристской концепции. Объективный язык Витгенштейна — это язык научных дескрипций, который регистрирует «чистые» факты. Логические предложения априорны, не имеют содержательного смысла, но не бессмысленны. Однако сущность символизма не может быть уяснена полностью, если рассмотрение законов синтаксиса или системы референтов не сопровождается исследованием значения этих символических средств и исследованием позиций тех, кто использует эти средства, а также преследуемых при этом целей. На этой основе и устанавливается сходство между логикой, переосмысленной в конструктивном плане, и семантикой, приобретающей прагматический характер уже у Витгенштейна.

Аналитическая философия, как методологическая критика науки, и логический анализ научного, философского, логического и повседневного языка, оказалась тесно связанной с анализом предложения. Философия определялась как логический метод прояснения смысла любых предложений путем анализа их логических форм. Логический анализ выделяет в составе науки эмпирические, фактуальные, дескриптивные высказывания и аналитические предложения логики и математики. Так складывается информативное содержание науки и логический каркас знания, который указывает лишь на границы в языке преобразования предложений.

Предложение, как понятие, оказалось в центре логической семантики, «атомом» речи, что требовало сообразовываться с определенными грамматическими или синтаксическими явлениями. Логика выделяли предложение в качестве атома речи как точку соприкосновения или перехода между уровнем представления или значения и уровнем утверждения. В предложении сосредотачивается содержание мысли, которому уже придана некая декларативная значимость, предполагающая использование утверждения или отрицания. Как атом речи, предложение связано уже с принятием неких эпистемологических предпосылок и неявное обращение к учению об истине, что показал логический атомизм, когда описываемая в языке истина состоит из элементарных положений вещей (реального или идеального порядка). Анализ речи, который оправдывается на уровне самой лингвистики, находит гарант или мотивацию в концепции познания и познаваемого. Вот почему аргументы, направленные против атомистической или реалистической концепции познания, должны в свою очередь опереться на лингвистику или семантику. Высказанное предложение зависит

от всего комплекса теоретических и эмпирических предпосылок, которые оно никогда не выявляет и не тематизирует полностью. У Фреге предложение не речевая фраза, единство смысла, которое обеспечивает коммуникабельность выражений и обосновывает синонимию фраз, произнесенных или написанных с помощью различных знаков. Оно, как «инвариант» перевода, является ядром речевого декларирования и утверждения, необходимая связка логики смысла и логики истины. Рассел смог совместить систему предложений с более эмпирической или более реалистической концепцией познания. Однако «смысл» у него становится неким состоянием, а референт предложения переносится в физическую область, внешнюю реальность. Но смысл — это означаемое, введенное знаком. Речь, структурированная на предложения, тематизирует смысл, объективирует его, делает пригодным для коммуникации, проверки.

У Витгенштейна в «Трактате» можно выделить три формулировки смысла предложения: смысл предложения есть логический образ факта; смысл связывает предложения со знанием условий истинности; смысл как метод верификации предложений.

В реальной практике понимания предложение есть процесс с многоуровневой структурой, в котором переплетаются синтаксический, семантический и концептуальные аспекты коммуникативной деятельности людей.

Система предложений, в основе которой лежит триада знака, означаемого и референции означаемого, может рассматриваться как логическая конструкция, опирающаяся на интерпретацию явных черт языковой организации и отвечает вполне очевидным потребностям реалистической эпистемологии. Философ начинает с источника расхождений между естественными и логическими операциями речи (Больцано, Мейнонг, Фреге, Рассел). Оказывается, что многозначие языка скрывает различные типы означающего акта и его использования. Логический язык устанавливается как формальная «объективная» структура посредством референций, предписываемых самим сплетением ее законов, схематизируемыми по смыслу. Естественный язык раскрывается как некая всеобъемлющая структура, которая существует на том же уровне, что и очевидности восприятия, переживания и гарантии коммуникации.

Витгенштейн, при анализе лингвистической теории, предлагает свою трактовку этого двойственного использования символов: то, что с точки зрения естественного языка есть вера, или гарантия, содержит как раз те имплицитные тезисы, которые исключаются из области подтверждаемого и опровергаемого,

из собственной логической области, но поддерживаются всей человеческой и социальной практикой.

Логик формулирует посредством четко выраженных соглашений возможности операторов, используемых при дедукции, и ограничивает Семантические возможности формул установлением строго соответствия. Лингвист стремится к позитивным ответам на вопросы в процессе перехода от феноменологического описания к научному анализу. Для всех них вопросы языкового анализа, вопросы семантики и синтаксиса имеют большое значение. Аналитическая философия, у истоков которой стояли Дж. Э. Мур и Б. Рассел и Витгенштейн, дала импульс к переосмыслению задач философии в аналитическом ключе. Новый подход отличал исследование всего комплекса традиционных философских проблем путем анализа языка, осуществляемого особыми методами с особой целью сделать эти мысли, идеи ясными. Высказанное и невысказанное, высказанное и мыслимое говорят о том, что метафизические тайны кроются в языковом обороте, в естественном или «объектном» сферах применения. Грамматическая видимость скрывает обманчивость языка, допускающего разные онтологические построения. Реализм (платонизм) и номинализм, прагматизм и неопозитивизм разных направлений питались этими проблемами. Однако к концу XX столетия оценка философских полномочий логики, семантики, их вклад в реконструкции науки и философии претерпели заметные изменения, как изменился и состав идей, но устремленность на язык науки и философии осталась, что, естественно, требует обращение к истокам, о которых и шла речь.

Рассел и Витгенштейн: проблемы философского взаимовлияния

Недавнее обсуждение советскими философами специфики, задач и теоретико-методологических подходов аналитической философии⁵ показало целый ряд нерешенных вопросов в области исследования истоков, основ, традиций и парадигм современной англо-американской философии. Сегодня еще более настойчиво, чем 15–20 лет назад, как зарубежные, так и советские исследователи задают парадоксальные вопросы относительно самостоятельности философских позиций Рассела и Витгенштейна, о различии их теорий, об эволюции, последователях, школах. Оценка этих

⁵ См.: Аналитическая философия в XX в. // Вопросы философии. 1988. № 8. С. 48–94.

классиков аналитической философии, ярко демонстрирующих взаимодействие с иными разновидностями западной философской мысли, с помощью старого концептуального аппарата неопозитивизма, устоявшихся стереотипов и привычных клише давно уже признана неадекватной. Аналитико-критический материал, накопленный при марксистском прочтении их творческого развития, приводит к тому, что сейчас редко какой автор будет утверждать чисто позитивистские основания философии названных авторов, как и отрицать близость их творческих поисков логико-эмпиристскому «нейтрализму». Сложный проблемно-тематический горизонт их творчества нашел отражение в работах А. Ф. Бегиашвили, А. С. Богомолова, С. А. Яновской, Ю. К. Мельвиля, И. С. Нарского, В. С. Швырева, В. А. Лекторского, В. А. Смирнова, Г. А. Заиченко, Н. С. Юдиной, М. С. Козловой, В. В. Мшвениерадзе, М. В. Поповича, В. Н. Садовского, Б. В. Бирюкова, Р. И. Павилениса, В. Г. Кузнецова, В. В. Петрова, А. Ф. Грязнова, З. А. Сокулер, А. А. Яковлева и других.

В данной статье мы затронем только проблему взаимовлияния этих двух философов в период формирования концепции логического атомизма. Оба мыслителя обоснованно называются основателями как этой концепции, так и философии лингвистического анализа, хотя в таком суждении часто срабатывает стереотип, выраженный фразой М. Уайта: «Можно думать о Витгенштейне почти как о Марксе того движения, которое имеет Рассела и Мура в качестве своих Сен-Симона и Фурье»⁶.

Философское взаимовлияние Рассела и Витгенштейна общеизвестно, хотя точки соприкосновения их концепций проанализированы неполно. Исследователи творчества Витгенштейна отмечают, что его работа над «Трактатом» проходила под непосредственным влиянием логических идей Рассела. Интересы Витгенштейна к 1911 г. устремились в направлении чистой математики, к проблемам оснований математики, соотношения математики, логики и философии. Наибольшее значение для его дальнейшей работы имели «Принципы математики» (1903) Рассела, которые побудили его к изучению трудов Фреге, после встречи с которым в Йене (1911) он продолжает исследовать работу Рассела на стажировке у него в Кембридже (1912–1913 гг.). В это время он знакомится с Уайтхедом, Муром, Джонсоном, Харди, Кейнсом. В 1914–1917 гг. он пишет и отправляет Расселу «Трактат», который и опубликовал в переводе последнего

⁶ Цит. по: *Нарский И. С.* Современный позитивизм: Критический очерк. М., 1961. С. 117.

в 1921 г. Еще раньше Витгенштейн передал Расселу заметки по логике. Концепции, выраженные в заметках и беседы во время первого приезда Витгенштейна в Кембридж повлияли на развитие философии Рассела. Он говорил о знакомстве с Витгенштейном как о самом важном интеллектуальном событии его жизни и уже в 1914 г. во вступлении к Лоуэлловским лекциям отмечал важные открытия его друга, высказанные в заметках по логике⁷. Свои лекции по философии логического атомизма в 1918 г. Рассел предварил замечанием, что они имеют непосредственное отношение к идеям, воспринятым от Витгенштейна, который не несет ответственности за их интерпретацию. Известный неотомистский историк философии Ф. Коплестон даже считает, что лекции Рассела частично состояли в объяснении концепций Витгенштейна. И хотя взгляды Рассела согласовывались с некоторыми идеями, выраженными в «Трактате», он не принимал изобразительной теории суждения Витгенштейна, независимости атомарных суждений друг от друга, чистой «тавтологичности» суждений логики и математики, как и утверждения, что форма, которую истинное суждение имеет вместе с соответствующим фактом, «не может быть высказана, а может быть только показана»⁸. Рассел верил в иерархию языков и считал, что если в языке нельзя ничего сказать об этом языке, нам ничто не может помешать употреблять язык «б» в рассуждениях о языке «а».

Расселу нравился «Трактат» и, несмотря на моменты, по которым он расходился с автором, его собственная концепция логического атомизма испытала влияние идей Витгенштейна. Отсюда, однако, не следует, что подход двух авторов был абсолютно идентичен. Витгенштейн писал как логик и считал, что логический анализ требует элементарных предложений, атомарных фактов и простых объектов, входящих в атомарные факты и называемых в элементарных суждениях. Рассел подходил к анализу с точки зрения математической логики. Как неореалист, он был заинтересован в обнаружении конечной структуры содержания мира. В своих лекциях 1918 г. он применял редуктивный анализ не только к физическим объектам здравого смысла и науки, но и к человеческой личности, как к «определенному ряду данных восприятия»⁹. Причем члены ряда имеют определенные отношения *R*; так что личность может быть определена как класс всех этих данных восприятия, имеющих последовательное отношение

⁷ *Russell B.* My Philosophical Development. London, 1959. P. 112, 216.

⁸ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 5.62.

⁹ *Russell B.* Logic and knowledge: Essays. 1901–1950. London, 1956. P. 277.

к Р. И хотя Рассел приблизился к логическому атомизму как представитель математической логики, его точка зрения была более эмпирической, чем в «Трактате» Витгенштейна. В применении редуктивного анализа к физическому и ментальному он продолжал традиции британского эмпиризма, которые едва ли столь явственно присутствовали у Витгенштейна¹⁰.

А. С. Богомолов отмечает значительное влияние Витгенштейна на формирование логического атомизма Рассела и обратное влияние Рассела на Витгенштейна, разрабатывавшего вопросы, поставленные Расселом: отношение «языка» к миру, о котором мы говорим; выяснение характера «атомарных фактов», из которых этот мир состоит, и другие¹¹. Сходную точку зрения обосновывает И. С. Нарский, особенно отмечая тот факт, что Витгенштейн, противореча неопозитивистским установкам, предлагает философию как нечто такое, что может быть выражено в языке¹². В. С. Швырев отмечает, что идеи логического анализа языка были сформулированы Расселом в 1905–1912 гг. и не заключали в себе определенной философской доктрины, а были развиты Витгенштейном, хотя он и повлиял на логический атомизм Рассела в период 1912–1918 гг.¹³ М. С. Козлова утверждает, что концепция знания Витгенштейна «в значительной мере была переводом на обобщенный философский язык некоторых принципов логической системы «Principia Mathematica» (1910–1913) Рассела и Уайтхеда и явилась «результатом незаконной универсализации некоторых идей периода логики» в духе последовательного номинализма¹⁴. При этом отмечается, что Витгенштейн испытывает огромное влияние со стороны концепций Рассела в период 1911–1913 гг.¹⁵ А. Ф. Грязнов считает, что расселовская логика и теория познания тесно связаны с его философской онтологией логического атомизма, в которых исходным являются фрагменты чувственного опыта, чувственные данные, а также атомарные высказывания, состоящие из имен и логических связок. «Эта концепция оказала огромное влияние на раннюю позицию Витгенштейна,

¹⁰ См.: *Copleston F. A History of Philosophy: Vol. 8. Modern philosophy: Bentham to Russell.* New York, 1967. Part 2. P. 209.

¹¹ *Богомолов А. С. Буржуазная философия США XX века.* М., 1974. С. 185, 202–203, 197.

¹² *Нарский И. С. 1) Современный позитивизм.* М., 1961. С. 196–197, 42; 2) *Философия Бертрана Рассела: Лекция...* М., 1962. С. 27–28.

¹³ См.: *Швырев В. С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки.* М., 1966. С. 9, 15.

¹⁴ См.: *Современная идеалистическая гносеология.* М., 1968. С. 256.

¹⁵ См.: *Козлова М. С. Философия и язык.* М., 1972. С. 21.

хотя расселовский односторонний эмпиризм был ему достаточно чужд. В то же время логический атомизм Рассела испытал сильное обратное воздействие со стороны Витгенштейна с самого начала их творческих контактов»¹⁶. Выясняя культурно-исторические детерминации концепций «Трактата», А. Ф. Грязнов несколько абсолютизирует роль этики в мировоззрении Витгенштейна. Подобную картину мы видим и в оценке философии Рассела у Т. А. Алексиной¹⁷. Несколько отличное прочтение «Трактата» отстаивает Г. А. Зайченко, указывающий на органическую связь в «Трактате» концепций языка и знания, выраженную в единой концепции языка-знания. С другой стороны, логические и логико-семантические посылки в «Трактате» проецируются на область познания мира как теоретико-познавательная, а не просто логическая или логико-онтологическая ориентация¹⁸.

Подобные противоречивые оценки мыслителей можно продолжить. Однако в этой полемике не раскрывается механизм их взаимовлияния, его особенности и точки соприкосновения. В этом плане интересно проследить историю создания и публикации «Записок по логике» Витгенштейна — «Приложение А» в «Записных книжках (1914–1916)» (в действительности до 1917 г.), — оказавших определенное влияние на логический атомизм Рассела, а также проанализировать точки соприкосновения концепций Рассела и Витгенштейна в период разработки и публикации «Трактата».

«Записки по логике» впервые были опубликованы в 1957 г. на 15 страницах с заметками Гарри Костелло, слушавшего в 1914 г. гарвардские лекции Рассела. «Записки» скопированы им с рукописи, датированной сентябрем 1913 г. и доставленной Расселу весной 1914 г. Рукопись и копия утеряны, но два ранних фрагмента существуют в Архиве Б. Рассела при Университете Мак-Мастера (США). По всей видимости, этот текст Рассел и показывал Швейдеру около 1950 г. Текст Костелло, очевидно, перестроен Швейдером: опущены некоторые повторы, улучшен английский язык. Полный анализ этих изменений сделан Н. Гриффином, высказавшим мысль, что это работа Витгенштейна, и редакторы «Записных книжек» проф. Райт и Анскомб

¹⁶ Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна: Критический анализ. М., 1985. С. 43–44.

¹⁷ См.: Алексина Т. А. Этика Б. Рассела и буржуазная мораль // Филос. науки. 1978. № 3. С. 91–98.

¹⁸ См.: Зайченко Г. А. К вопросу о критике современного английского позитивизма. Харьков, 1971. Гл. 2.

опубликовали ее. Материалы, собранные в «Записках по логике», подшиты Расселом под названием «Витгенштейн о логике. 1913 г.». Они состоят из двух частей: семи листов («Краткое изложение») и 23 листов, озаглавленных «Витгенштейн».

Расселовская корреспонденция в какой-то степени раскрывает историю этой работы. После лета в Австрии Витгенштейн был в Норвегии и писал Расселу 20 сентября 1913 г., что томится желанием опубликовать некоторые фундаментальные идеи, но печатать их еще не решается и потому стремится сообщить ему о результатах. В письме он просит разрешения на встречу с Расселом, чтобы тот смог обозреть поле, приведенное в порядок. Встреча состоялась 4 октября 1913 г. и была не единственной, что следует из письма Рассела к Люку Доннели от 19 октября 1913 г., в котором сообщалось о подготовке в августе-сентябре Витгенштейном работы по логике. Свои идеи он пересказывал Расселу, но они не запомнились ему, поскольку были почти неуловимы. На просьбу Рассела записать их, Витгенштейн отвечал со вздохом, что это невозможно. Кончилось тем, что Рассел в течение недели (с 4 по 11–12 октября) беседовал с ним в присутствии стенографа. Затем Витгенштейн уезжает в Норвегию и вскоре получает от Рассела машинописный текст беседы, который после правки возвращает ему, а в письме от 29 октября 1913 г. спрашивает: «получили ли вы копию моей рукописи», где видимо, идет речь о 23 листах¹⁹.

Ссылку на «Краткое изложение» мы находим в «Записных книжках», где Витгенштейн благодарит Рассела за помощь и отвечает на 9 вопросов. Шесть из них относятся к «Краткому изложению». В свою очередь, он задает вопросы и Расселу. Тот, например, отвечает, что «ав-функция то же, что WF и означает истинно-ложное»²⁰. Можно утверждать, что рукопись была немецким оригиналом (по крайней мере часть из 23 листов, переведенных Расселом), в котором изменены «denote» на «designate», «простые предложения» на «атомарные» (Витгенштейн называл их в письме от 14 октября 1913 г. «элементарными предложениями», что согласуется с «Основаниями математики» Рассела). Имеются и другие изменения. Так, Витгенштейн пишет: «Мир будет совершенно описан, если мы составим все возможные атомарные предложения и объявим истинность или ложность каждого». Рассел добавляет в скобках: «Я сомневаюсь в этом»²¹.

¹⁹ См. отрывки из писем Витгенштейна к Расселу (1912–1920 гг.): *Wittgenstein L. Notebooks. Appendix III.*

²⁰ *Ibid.* 94, 1.17.

²¹ *Ibid.* 93, 1.3.

В подтверждение этого разногласия мы сошлемся на их более поздние работы²².

Вторая стадия подготовки «Краткого изложения» такова: работу отпечатали, соединив поправки Рассела и Витгенштейна; при этом была скорректирована орфография и добавлены заметки на полях, характер которых показывает, что «Записки по логике» — плод совместных, но не согласованных мыслей²³. Витгенштейн развил свои взгляды затем в «Трактате», что подтверждается параллелями из «Записных книжек»²⁴. Рукопись, которую подготовил Рассел, пишет Мак-Гиннес, «служила добычей для афоризмов «Трактата»²⁵, как и другие семь книг.

В «Автобиографии» Рассел сообщает некоторые подробности о появлении Витгенштейна у него и Уайтхеда²⁶. Так. Витгенштейн виделся с Уайтхедом и разъяснял ему свои идеи между 26 и 30 августа 1913 г. Свои идеи он излагал и Муру в апреле 1914 г. Такая необходимость была вызвана тогда уверенностью Витгенштейна в том, что он сформулировал новую систему, опровергающую выводы работ Рассела по основным понятиям логики. Но и Рассел, и Уайтхед оказались большими энтузиастами новой работы. В дневниках Д. Мура (октябрь 1913 — февраль 1914 г.) также зафиксированы неоднократные беседы по этому поводу между Муром и Расселом, Муром и Харди, Расселом и Харди. 26 февраля 1914 г. Мур специально заходил к Расселу, чтобы услышать о теориях Витгенштейна перед тем, как посетить его в Норвегии (с 24 марта по 14 апреля 1915 г.).

Для нас важно то, что Рассел, работая над «Записками», стремился не только к тому, чтобы помочь Витгенштейну в по-

²² Ср.: *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 4.26; *Russell B.* Our Knowledge of the External World as a Field for Scientific Method in Philosophy. Chicago; London, 1914. P. 53.

²³ *Wittgenstein L.* Notebooks. P. 95, 11.16–32.

²⁴ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 5.5422, 5.23–41 и *Wittgenstein L.* Notebooks, P. 97; *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 5.43 и *Wittgenstein L.* Notebooks, P. 100; *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 3.332 и *Notebooks*, P. 106; *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 1958. 3.315 и *Wittgenstein L.* Notebooks, 11.4–13.

²⁵ *McGuinness B. F.* Bertrand Russell and Ludwic Wittgenstein's «Notes on Logie» // *Rev. Intern. de Philosophie.* Bruxelles, 1972. Vol. 26. N 102. P. 452. 6. Б. Мак-Гиннес видит отражение «наиболее важного воздействия» на Рассела логических идей «Записок» в его заметках на полях второй рукописи, сделанных им после отъезда Витгенштейна в Норвегию.

²⁶ См.: *Russell B.* The Autobiography of Bertrand Russell. London, 1975. P. 329–332.

лучении ученой степени, но старался понять, усвоить и передать другим те логические теории, которые были не совсем приемлемы для него. Но больше всего его волновала критика, высказанная Витгенштейном по поводу его теории познания, что становятся ясным из рукописи Рассела «Теория познания» («Epistemology») 1913 года, третьей части книги «Наше познание внешнего мира», которая не была опубликована и осталась в архиве. Первые шесть частей с некоторыми изменениями появились в журнале «Монист» (январь 1914 — апрель 1916) В них мы находим идеи, безоговорочно критиковавшиеся в «Записках по логике»: концепцию фактов как комплексов²⁷; веру в относительно знакомые нам логические объекты²⁸, концепцию «понимания» (и следовательно, суждения) как отношения между личностью и отдельными компонентами познаваемого суждения²⁹ и концепцию истинности-ложности как свойств предложений³⁰. Были и другие различия³¹, но важно то, что первая (логическая) часть «Теории познания» — «Молекулярная препозиционная мысль» — кажется, в окончательном варианте не была написана вообще, не только в связи с критикой его теория Витгенштейном, а в связи с изменением точки зрения, которая по многим параметрам расходилась с позицией Витгенштейна³². Целью рукописи было разрушить традиционное различие между истинами логики и истинами непосредственного наблюдения в пользу представления, основанного на наблюдении и выходящего за рамки эмпиризма, включая непосредственное знакомство с логическими формами. Это — явное влияние прокантианской позиции Витгенштейна, высказанной им в письме к Расселу от 22 апреля 1912 г.³³

Однако если рассматривать широкий фон взаимоотношений философских концепций Рассела и Витгенштейна, то речь должна идти не только о встрече двух неординарных мыслителей, но и об их совместной работе и философской полемике, наконец, о двух системах мышления, которые следует сравнить. Можно

²⁷ Wittgenstein L. Notebooks. 93, 1.30; 96. 1.34.

²⁸ Ibid. 93, 1.14; 99, 1.19; 100, 1.41.

²⁹ Ibid. 96, I 14; 97, 1.27; 101, 1.9; 103, 1.27.

³⁰ Ibid. 95, 1.30.

³¹ См.: McGuiness B. F. Bertrand Russell and Ludwic Wittgenstein's «Notes on Logie» // Rev. Intern. de Philosophie. Bruxelles, 1972. Vol. 26. N 102. P. 456–457.

³² См.: Grafín N. 1) Russell on the Nature of Logic (1903–1913) // Synthese. 1980. Vol. 45. N 1. P. 117–188; 2) Wittgenstein's Logical Atomism. Oxford, 1964.

³³ См.: Грязнов А. Ф. Эволюция философских взглядов Витгенштейна: Критический анализ. М., 1985. С. 47–53.

вспомнить то, как в свое время Рассел заявил, что проблемы, рассматриваемые Витгенштейном в «Исследованиях», его совсем не интересуют, и он не понимает, «почему целая школа находит некую мудрость на страницах этой книги... Кажется, поздний Витгенштейн устал от серьезных мыслей и избрал доктрину» которая делает бесполезной подобную деятельность... Если эта доктрина истинна, то философия является в лучшем случае легкомысленной поддержкой лексикографам, а в худшем случае — пустой салонной забавой»³⁴. Однако взгляды Витгенштейна периода «Трактата» вызвали совсем иную реакцию Рассела. Можно согласиться с Ж. П. Левра, которая предлагает квалифицировать влияние Витгенштейна на Рассела, как «удар», особенно по расселовской концепции абстракции, связанной с проблемой отношений³⁵. Действительно, не стоит представлять Витгенштейна, приходящим в Кембридж во всеоружии, с потенциальным «Трактатом» в кармане: происходит спор Рассела с Витгенштейном, у которого множество неоформленных идей, гипотез и уверенность в возможности создать свою оригинальную концепцию.

Почему же в центре взаимовлияния позиций этих мыслителей оказалась теория отношений? Видимо потому, что она является основой логического атомизма. Согласно расселовской логике внешних отношений, само отношение между любыми терминами (или вещами, явлениями и т. п.) всегда функционально. Под влиянием англо-гегельянства, которое Рассел исповедовал в начале своего философского пути, он пытается соединить свои математические работы с возникающими вопросами онтологии. Критические размышления приводят его на прокантианские позиции. Если говорить о теории отношений, то она возникает практически в противовес Лейбницу, ибо логика внутренних отношений равнозначна утверждению онтологического монизма и отрицанию самих отношений. Лейбниц сводит отношения между членами высказывания к свойствам этих членов: высказывание состоит из субъекта и предиката, а высказывание, утверждающее некоторое отношение, всегда должно быть сво-

³⁴ *Russell B.* My Philosophical Development. London, 1959. P. 217.

³⁵ См.: *Leyras J. P.* Bertrand Russell et l'impact de Wittgenstein // Rev. Intern. de Philosophie. Bruxelles, 1972. N 102. P. 461–482; *Магнус-Саминский В. С.* Проблема абстрагирования в философии Рассела // Вопросы философии. 1975. № 1. С. 128–137; *Туфанов А. Н.* О процедуре определения через абстракцию // Философские науки. 1986. № 1. С. 139–142; *Яновская С. А.* Методологические проблемы науки. М., 1972. С. 34–75; *Горский Д. П.* Определение. М., 1974. С. 65–78.

димо к субъектно-предикатному высказыванию о целом, то есть об Абсолюте в философии неогегельянцев. Рассел критикует абсолютный идеализм и противопоставляет ему неореализм.

Рассел понимает внешний характер отношений как необходимость самоотделения человека от его знаний, от воображаемой сущности мира. Поскольку фундаментом атрибутивной теории старой логики выступает метафизически понятая «сущность», этот свободный от внутренних различий абстракт, абсолютно тождественный и неподвижный «исток явлений», то понятие субстанции, как крюк, «на который вешают предикаты, никому не нужно и вызывает протест»³⁶. Основой теории суждений признается не категория субстанции, а отношение, которое провозглашается определяющим во взаимосвязи его с предметом. Предмет — результат отношения и сводится к нему в конечном счете; он — сумма отношений, узел и единство, разлагаемое без остатка на отношения. Это субъективно-идеалистическое понимание отношения: оно — форма нашего сознания и без него так же непредставимо, как и «система априорных отношений» Канта. Рассел, выступая против Лейбница, у которого отношения не относятся к сфере «реальности», не отождествлял вещь и отношение. Признание единственной формой суждения субъектно-предикатной структуры — коренной недостаток старой логики, повинный, по Расселу, во всех ошибках метафизики. Он признает отношение как отношение между предметами в духе Локка³⁷ и утверждает независимую сферу отношений наряду с миром предметов. Отношение включает момент релятивного, не исключающего объективного, ибо невозможно рассматривать А независимо от бесконечных свойств, определяющих его как А, включая и отношение к В. Абстракция в этом плане противопоставляется Расселом любой монистической теории, для которой абстракция имеет характер момента в процессе обобщения конкретного. Вот почему он выступает против догматизма У. Джемса и бергсонизма интуитивизма, отказываясь отождествлять вещи и их отношения, выраженные символами. Абстрагировать — не значит удаляться от начала, а скорее возможность достичь цели посредством познания, не смешивая логическую форму познания с тем, что известно, и с тем, кто познает.

Логика для Рассела — самая абстрактная наука, говорящая не об отдельных вещах и фактах, а исключительно о форме

³⁶ Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 330.

³⁷ См.: Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Локк Дж. Избр. филос. Произведения: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 327.

и структуре отношений, касающейся любого объекта познания, которые мы можем отделить посредством абстракции. Предложенная им теория описаний осуществляла редукцию конкретных псевдотерминов, которые, в смысле их логической формы, дают нам иллюзию «создания» их по желанию субъекта в силу простой способности языка. Пеано еще до знакомства с работами Фреге открыл Расселу строгость математической абстракции, заставил воспринять его математический платонизм. В период написания «Принципов математики» (1903) и «Оснований математики» (1910–1913) Рассел, подобно Платону, связывал возможность достоверного знания с фактом объективного существования общих понятий, универсалий, в которые были включены отношения, выражаемые в языке обычно при помощи глаголов, союзов, предлогов. При этом универсалии не являются ни духовными, ни материальными; они просто существуют. В «Нашем познании внешнего мира» (1914) общие понятия рассматриваются в номиналистическом плане, как функции. Так проявляется неореалистический взгляд Рассела на природу знания.

Перед встречей Рассела с Витгенштейном «темнеет математическое небо». Решение парадокса собственного имени посредством теории типов дает Расселу материал для размышления о взаимосвязи строгости и крайней абстрактности математики с постановкой в ней новых проблем. Рассел теряет чистый горизонт логики и математики, когда пытается решать вопросы отражения объективной реальности, внешнего мира в математических абстракциях (например, в числах). Мыслитель особенно наглядно показал взаимосвязь абстрактных объектов с действительностью, взаимосвязь конкретно-научного и философского анализа. В математических теориях отражается лишь структура соответствующей предметной области, система отношений или структура взаимодействий и соответствующих изменений, которая жестко связана с той или иной областью материальной действительности. В математике мы абстрагируемся от свойств изучаемых объектов, которые не входят в теорию, не отражаются ею. В математических идеализациях на первый план выдвинуты отношения, а не свойства, которые отодвинуты, скрыты. Только посредством анализа можно отделить структуру (систему отношений) от свойств соответствующих объектов. При этом Рассел стоит на точке зрения эмпиризма Нового времени, «логики отношений», и высказывает мнение, ставшее классическим в современном позитивизме, что всякое суждение есть «суждение отношения».

За этими проблемами скрывается более серьезный вопрос, который у Рассела после знакомства с Витгенштейном оформля-

ется так: каково же отношение между выделенной относительной структурой и реальностью? Другими словами, какова же основа абстракции, или какова же сама природа логического символизма? Формалисты во главе с Гильбертом считали символы «метками на бумаге, лишенными значения». Интуиционисты ставили в центр отрицание закона исключенного третьего. Их критику Рассел называл критикой извне и, по его словам, отбивать их нападки ему было не трудно³⁸. Витгенштейн до 1914 г. был единственным, кто мог атаковать его систему изнутри. Отдавая предпочтение отношению, Рассел, как и Фреге, сохранял первенство за функцией. Отношение предметов в мире представлялось только в терминах отношений, и позиция с точки зрения абстракции запрещала с самого начала предполагать какой-либо предмет. «Аксиома сводимости осуществляла в этой области обобщенную редукцию любой функции к абстрактной функции от конкретного, какой бы она ни была, сохраняя с помощью такого своеобразного «замка» реляционную структуру от отсутствия изоморфизма между структурами и от проникновения единичного во всеобщее. «Замок» подобного рода имеется и у Гуссерля, и его эйдетическая редукция имеет своей целью запретить под страхом порочного круга доступ единичного как такового во всеобщность знания»³⁹.

Тогда возникает вопрос: почему на «небосклоне Рассела» появилась гроза по имени Витгенштейн? Основную причину ряд исследователей, среди которых финский философ Э. Стениус, М. С. Козлова, Г. А. Заиченко, французский исследователь Ж. Левра видят в том, что Витгенштейн — не позитивист, а кантианец. Действительно, уже в «Записных книжках» он задается вопросом кантовского типа: существует ли априори что-либо и каким образом логика фактически приводит к миру? Витгенштейн обнаруживает, что неокантианский «структурализм» и близкий ему логический объективизм Фреге, не отвечают на его вопрос. Если логические истины объективны, то какой они имеют смысл и имеют ли его? Почему нельзя лишить смысла мир логических структур, а общепринятые структуры знания фактически не могут быть хаосом? Витгенштейн не подвергает сомнению абстракцию, но выясняет, как проверить, что абстрактные структуры действительно приводят к практическому миру. Он

³⁸ *Russell B.* 1) *My Philosophical Development*. London, 1959. P. 111; 2) *An Inquiry into Meaning and Truth*. New York, 1940. Parts 20–21.

³⁹ *Leyvras J. P.* Bertrand Russell et l'impact de Wittgenstein // *Rev. Intern. de Philosophie*. Bruxelles, 1972. N 102. P. 466.

приходит к выводу — никакого критерия нет: «проверить» здесь истолковывается не как соответствие между логикой и миром, ибо против такого структурного соответствия нет свидетельства, и проверка не имеет смысла. Это подобно проверке правильности новостей в газете путем сверки ее 50 экземпляров. Мир объективных логических структур, не будучи незыблемой основой права на абстракцию, впадает в хаос и подобен фантастическому миру, в котором запрещено спрашивать, куда ведут объективные логические законы. Витгенштейн стремится показать, что логическая форма не имеет никакой связи с реальным миром, то есть, что истинная форма мира проявляется вне структур и как их возможность⁴⁰. И ответ он ищет в тавтологическом характере логики и математики; предложения логики являются лишь формами доказательств, сами по себе они ни истинны, ни ложны. Логические предложения — только разные виды тавтологий. С логикой, как законом мысли или действительности, покончено. Абстракция сохранена, но она абсолютно не основывается на отношении между миром символов и его коррелятом: логические и математические высказывания ничего не обозначают в реальном мире. Витгенштейн обнаруживает, что не существует критерия самой меры: структуры (осмысленные предложения) сохраняют связь с фактами, потому что сами значения предложений — это соответствующие предложению факты. Но что сохраняет структуру? Что выражает форма, которая делает их возможным? В «Трактате» он отвечает — логическая форма, как область того, что можно высказать, или как изначальная возможность говорить о чем-то в структуре, которая достигает действительности.

Своеобразная «логическая утопия» «Трактата», видение реальности через аналитические процедуры, «сквозь речевые средства ее выражения» (М. С. Козлова), были истолкованы неадекватно. «Трактат» был понят плохо сразу, в том числе и Расселом, ибо в нем увидели отрицание абстракции. Фреге, прочитав рукопись, не понял ее. Рассел в первую очередь отметил логические идеи Витгенштейна в своем введении, ставшем практически первым критическим исследованием позиции Витгенштейна. И если бы Рассел посчитал, что вопрос об отношении к миру просто исключается математическим формализмом, то «удар» бы не состоялся. Он не воспринял таким образом мысли Витгенштейна, да и не был готов отказаться априори от спора об основаниях

⁴⁰ См.: Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 2.003: «Форма есть возможность структуры».

логики или об основаниях строгости логических рассуждений. Он видит центральную идею Витгенштейна в условиях возможности логически совершенного языка, хотя тот утверждает, что если язык должен быть приспособлен к утверждению или отрицанию фактов, то между структурой его предложений и структурой фактов должно быть нечто общее, что не может быть высказано в этом языке, а может быть лишь показано. Рассел отмечал, что к этой сфере относится, собственно, вся философия⁴¹. И он пишет в 1919 г. Витгенштейну: «На мой взгляд, теория типов является теорией корректного символизма. Простой символ не должен употребляться для выражения чего бы то ни было сложного; в более общем виде: символ должен иметь ту же структуру, что и его значение». Витгенштейн отвечает ему из Кассино 19 августа 1919 г.: «Это именно то, о чем нельзя говорить. Ты не можешь предписать символу, что ему дано выразить. Все, что может выразить символ, ему дано выразить»⁴².

То, что внес в логический атомизм Витгенштейн, Рассел считает основной доктриной «Трактата»: разработку концепции отношения атомарного факта и атомарного предложения как отображение факта в предложении. Всякое предложение должно иметь ясный и точный смысл, который и определяется отношением предложения к «миру», то есть отношением образа и факта. Предложения — это «образы», «картины фактов», имеющие с фактами общую структуру. Каждый образ должен иметь общее с действительностью, чтобы ее отображать⁴³. Логическая форма, то есть форма действительности, позволяет ее моделировать. «Отображение» — это воспроизведение логической формы, то есть «формы действительности». В этом смысле Рассел говорит о «сходстве структур» между картой и отображаемой сферой.

Витгенштейн нападал и будет нападать в «Трактате» на теорию типов, ибо она представляет теорию, вводящую в логический символизм то, что предписывается символам или метод их использования. Рассел писал в «Основаниях математики», что символизм предназначен «для репрезентации идеи и процессов дедукции», чтобы «представить действительные отношения между идеями». Витгенштейн же считает бессмысленным определять эквивалентность структуры через функцию или отношение, способ, который позволяет абстракции соотноситься

⁴¹ См.: Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 12, 24–25.

⁴² Wittgenstein. Notebooks. Appendix III.

⁴³ См.: Витгенштейн Л. ЛФТ. 2.18, 4.12.

с тем, что она точно означает в символах. То, что проявляется в тавтологии, является не формулой, снабженной логической связкой, а формой значащих структур. «Ошибка Рассела проявилась в том, что при разработке своих символических правил он должен был говорить о значении знаков». Проблемы, поднятые им, могут решаться синтаксически. «Правила логического синтаксиса должны быть поняты сами собой, если только известно, как обозначает каждый знак»⁴⁴. Витгенштейн стремился вскрыть внутреннюю структуру языка для надобности своей философии, показать зарождение логического синтаксиса как формы, то есть того, что может привести к миру, будучи вне всякого структурного соответствия. «Граммофонная пластинка, музыкальная мысль, партитура, звуковые волны — все это стоит друг к другу в том же внутреннем образном отношении, какое существует между языком и миром. Все они имеют общую логическую структуру»⁴⁵. В этом случае сама основа пропозиционального анализа Рассела поколеблена⁴⁶.

Рассел исходит из понятия суждения, из возможности для рассудка адекватно анализировать положение вещей, придерживаясь мнения, что деятельность самого субъекта могла быть познана. Но Витгенштейн, по его мнению, разрушал теорию суждения, поскольку атомарный факт «Трактата» можно было выразить в форме «aRv» лишь чисто «изобразительным» образом, но не функциональным. Мы судим лишь представляя себе картины фактов. Язык, абстракция не приходят откуда-то, они имеют место, как истинная идея Спинозы имеет место в качестве атрибута мышления. Если мы говорим о субъекте, то мы располагаем только произнесенным высказыванием, мы представляем себе картины «фактов», но не указываем ни языка этого суждения, ни того, кто это «мы» и т. п.

Рассматривая идеи Витгенштейна, как они были представлены еще в «Записках по логике», Рассел не мог не признать их, но не разделял их полностью. Здесь сказалось и отсутствие у него в то время специального интереса к эмпирическому обоснованию своей философии языка, и умеренный логицизм Витгенштейна, и своеобразная критика языка с априористских позиции, близких замыслу Канта. Рассел признавал отдельные

⁴⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 3.331.

⁴⁵ Там же. 4.014.

⁴⁶ См.: Кузнецов Б. Г. Проблема понимания языковых выражений в логико-семантической концепции Л. Витгенштейна // Вопросы философии. 1985. № 9. С. 137–146.

идеи Витгенштейна, поскольку они точно представляли тот род строгого анализа, которого он сам придерживался, убежденный в том, что логические предложения, как тавтологии, не являются структурами объективного духа; независимость атомарных фактов приводила его к плюрализму, который требовал устранения субъекта, высказывающего суждения из области логики как условия сохранения чистоты логического анализа. Витгенштейн разрабатывал выдвинутые Расселом идеи логического анализа путем выявления его подлинной логической структуры, предлагая метод формализации знания и возможность создания единой формализованной модели человеческого знания, метод разграничения научных и метафизических положений. Доведя их до логического конца, он сформулировал принципиальные положения аналитической философии и обосновал логико-лингвистический подход к философским проблемам.

Рассел не мог полностью разделить идеи Витгенштейна, сводящие на нет саму цель проводимого им анализа и сам источник всего его исследования. Логическая форма несет чуть ли не главную смысловую нагрузку концепции Витгенштейна, как условие, необходимое любому способу отображения действительности: «Каждый образ есть также логический образ». Предложения имеют с отображаемой ситуацией общую логическую форму, для изображения которой надо поставить ее вместе с предложениями вне логики, то есть вне мира. Поэтому «предложение показывает логическую форму действительности», а «то, что может быть показано, не может быть сказано»⁴⁷.

Вопрос об абстракциях касается различия отношения психологии и логики к обоснованию научного знания. Это не просто старое различие между эмпиризмом (для которого знание есть убеждение, подтвержденное фактами восприятия) и кантовским критицизмом (для которого знание мира явлений с самого начала характеризуется априорной согласованностью). Витгенштейн не был вооружен трансцендентальной логикой, а Рассел не сводил знание только к достоверному мнению. Вот почему Витгенштейн и Рассел встречаются в самом движении мысли, в ходе философских эволюций. Потому и возникает «удар», но «удар» по обоим. Рассел, как философ, логик и математик, в борьбе против монистов, прагматистов и бергсонистов намерен отстоять саму абстракцию непосредственных данных опыта, общие термины, используемые взамен совокупности единичных терминов. В этом он солидаризуется со старым натурализмом

⁴⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 2.182.

(Локк, Беркли, Юм, Кант), который, по существу, является источником его философии.

Для Рассела психология как наука существует самостоятельно и ее область еще не сводима, как в «Анализе материи», к физиологии и физике. Он признает понятие духа, которое не сводится к физическому, а зависит от более общего, увиденного Расселом в «веществе мира» нейтрального монизма. Витгенштейн ставит под сомнение само существование психологии и причисляет ее к естественным наукам. Он отрицает не абстракцию, а определенные формы постижения практического мира — человеческий дух и природу. Окончательное же построение природы дух этот имеет, якобы, в качестве неопределенной идеи, которую и пытается выявить путем анализа. Идеальный язык (элементы которого — имена, то есть простые символы, однозначно соответствующие определенным объектам) не говорит о мире ничего. Действительность представляет собой «картину», копию логически совершенного языка, поэтому проблема отношения логики и реальности теряет смысл. Логическая форма предложения тождественна логической форме реальности. Логика наполняет мир, и границы языка представляют собой границы мира. Действительный мир не мог быть горизонтом наук, где помещены Расселом начальные события, которые могли быть материалом духовных феноменов и реального мира. Горизонт знания Витгенштейн представляет как выдуманное ограничение, частный мир или воплощенную абстракцию, куда нас «запирает» вера в Дух. Он потому и начинает анализ не с объективной действительности, а с анализа логической структуры языка, и выявленные в результате этого формы ставятся на место объективного мира. Рассматривая идеальные условия изображения знания о мире в атомарно-экстенциональной модели, он все-таки занимается теорией знания, а не конструированием чистой логики, и решает вопрос об отношении знания к реальности, не решая проблему реализации этого приема в действительном знании. Витгенштейн онтологизирует структуру языка пропозициональной логики и посредством онтологизации делает эту структуру общей для всего научного знания. Если действительность представляет собой комбинацию одного уровня — фактов, то наука должна быть комбинацией предложений, отображающих факты и их различные сочетания. Все претендующее на выход за пределы этого мира (все, что апеллирует к связям мира фактов или к глубинным сущностям, определяющим их наличие или отсутствие) изгоняется из науки и философии как бессмысленные предложения. Задачей логического анализа оказывается

выявление этой структуры, дающей возможность обоснования или опровержения любого предложения путем сведения его к совокупности атомарных предложений, выражающих условия его истинности. В Венском кружке атомарные предложения были интерпретированы затем как протокольные предложения, и его «атомарно-экстенциональная модель» знания получила четко выраженную эмпиристскую интерпретацию, из которой вытекал принцип верифицируемости.

Таким образом, можно говорить об общих основаниях в философии Рассела и Витгенштейна: эмпиризме, аналитическом методе, номинализме и логицизме, которые, однако, интерпретировались по-разному. Логический атомизм Рассела и Витгенштейна различны и отличны от классической версии логического позитивизма Венского кружка, развивавшего концепции как первого, так и второго. Рассел в своих работах постоянно демонстрировал отличие его неореалистической концепции от Витгенштейна. Они суммированы в статье «Людвиг Витгенштейн» (1951) и в десятой главе его «Автобиографии». Об этом писали Д. Пирс, М. Шерн, Дж. Смарт, Д. К. Фейблеман и другие авторы.

